

◆ ЦИКЛ ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНОВ ◆

ВИССОН
ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИИ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Санкт-Петербург, 2014

Книга первая

СЕРЕБРЯНЫЙ МЕЧ

*Анджела
Кант*

ББК 86.37
X19

Перевод с английского

Originally published in English under the title
THE SILVER SWORD
By Angela Elwell Hunt

Published by WaterBrook Press,
an imprint of the Crown Publishing Group,
a division by Random House LLC
12265 Oracle Boulevard, Suite 200
Colorado Springs, Colorado 80921, USA.

International rights contracted through:
Gospel Literature International,
P.O. Box 4060, Ontario, CA 91761-1003, USA

This translation published by arrangement with WaterBrook Press,
an imprint of the Crown Publishing Group,
a division of Random House LLC.

Russian edition 2014 © Mission Visson
All rights reserved.

Большинство персонажей и события в этой книге вымышлены.
Дополнительную информацию об исторической основе книги см. на с. 428

Хант, Анджела

X19 Серебряный меч / Пер. с англ. — СПб.: ЛКС, 2014. —
432 с. — (Наследницы Кахиры О'Коннор)
ISBN 978-5-94861-197-6 (ЛКС)
ISBN 978-5-905913-30-3 (Виссон)

Это первая книга из серии «Наследницы Кахиры О'Коннор». Аника из Праги стала единственной женщиной-рыцарем в замке Хлум. На долю этой храброй девушки выпало немало испытаний: смерть родных и близких, изгнание, преследование... Но, несмотря ни на что, она сумела сохранить свою веру в Бога и чистую душу. И нашла свою любовь.

ББК 86.37

ISBN 978-1-57856-012-7 (WaterBrook Press)

ISBN 978-5-94861-197-6 (ЛКС)

ISBN 978-5-905913-30-3 (Виссон)

© Copyright © 1997 by Angela Elwell Hunt

© Издательство «Виссон», 2014

Любая книга — это либо мечта, либо меч...

Эми Лоуэлл
“Лезвие меча и маковое зерно”

Пролог

Даже на большом расстоянии я ощущала на себе взгляд незнакомца, который стоял в противоположном конце библиотеки. «Не обращай на него внимания, и он уйдет», — пробормотала я себе под нос, яростно щелкая клавишами компьютера. Но уголком глаза все-таки продолжала наблюдать за ним — приятный невысокий мужчина средних лет: лицо испещрено тонкими морщинками, свидетелями забот, небольшой круглый животик нависает над поясом брюк.

Экран монитора передо мной мигнул и опять загорелся, как только соединение с Интернетом восстановилось. Когда колледаж установил эти компьютеры? В 1993-м?

Раздражающе медленно на экране появились двадцать восемь ссылок на запрос «Пиебалдизм»*, именно эту тему я выбрала для своего исследовательского проекта. Всего *двадцать восемь*? Лишь минуту назад я ввела свое имя, Кэтлин О’Коннор, и поисковик вывел более шестидесяти шести *тысяч* ссылок на «О’Коннор» и/или «Кэтлин». Если мне удастся раздобыть достаточно информации, чтобы осчастливить своего

* Пиебалдизм (частичный альбинизм) — врожденная ахромия (отсутствие пигмента) в области кожи живота, лица, ног или прядей волос. — *Примеч. ред.*

преподавателя литературного творчества, имея на руках всего лишь двадцать восемь ссылок, иначе как чудом это не назовешь.

— Извините меня. Мисс О'Коннор? — Я подняла глаза, стараясь сдерживать недовольство. Тот незнакомец теперь стоял рядом со мной, чуть сгорбившись с трогательным достоинством и сжимая в руке шерстяную шапочку. Тоненькие, старательно подстриженные усики красовались над верхней губой, а лицо выдавало напряженные раздумья.

— Да? — Я заставила себя вежливо улыбнуться. Незачем показывать ему, что я готова позвать охранника, если только профессор окажется «с приветом».

— Надеюсь, вы простите мое несвоевременное вторжение, — сказал мужчина извиняющимся голосом. — Позвольте представиться: Генри Говард, профессор европейской истории в этом колледже. Вы должны простить меня за любопытство, я спросил ваше имя у библиотекаря. Она сказала, что вы часто здесь бываете.

Разве не все старшекурсники-филологи буквально живут в библиотеке?

— Приятно познакомиться, профессор Говард, — сказала я, бросая взгляд на экран компьютера. — Но я сейчас занята своим исследовательским проектом, а компьютер нужен и другим тоже.

— Я не собираюсь вам мешать. — Он еще крепче вцепился в шапочку. — Но я не мог не заметить ваши волосы. Очень красивые. И весьма... необычные.

Он что, ко мне «клеится»?

— Спасибо. — Я снова повернулась к компьютеру и впечатала свое имя, показывая ему, что занята. Я выслушивала разные высказывания по поводу моих волос всю свою жизнь, но если для этого человека волосы — фетиш, я не стану его поощрять. Большинству людей мои волосы либо очень нравятся, либо не нравятся вовсе. Все зависит от того, как они относятся к рыжеволосым: считают ли их энергичными или просто неуравновешенными.

Профессор Говард не понял намека:

— Эта прядка у виска...

Я посмотрела на него, готовая испепелить его взглядом.

Он нерешительно показал на мою голову:

— Я знаю, мой вопрос может показаться слишком дерзким, но скажите, отсутствие пигмента у этой прядки естественное? Во всяком случае, так мне кажется. Она сразу бросается в глаза, хотя в наше время трудно точно сказать, если дело касается молодой девушки. Одна из моих племянниц покрасила прядь волос прямо посередине головы в черный цвет. — Он беспомощно пожал плечами, а голос его постепенно затухал, но он продолжал, не отрываясь, смотреть на меня. Неужели ему не хватает сообразительности хотя бы устыдиться своих дурных манер?

— Прядка натуральная, — поспешила ответить я, решившись наконец от него избавиться. — Она у меня с детства.

— А у вашей матери... — Профессор помедлил и снова схватился за свою шапочку. Возможно, он все-таки понимал, что лезет в чужие дела. — У кого-нибудь из ваших родителей была такая прядка? Или у их родителей?

— Не думаю, — ответила я.

Несмотря на все растущее раздражение, во мне просыпалось любопытство, оно взлетало все выше, словно воздушный змей (мама всегда говорила, что эта прядка когда-нибудь приведет меня к неприятностям). Может, он хочет опросить меня для какого-то генетического исследования? Нет, он же сам сказал, что преподает на кафедре истории, а не естественных наук.

— Интересно. — Сквозь маску нерешительности вдруг пробились улыбка. — Наверное, вы считаете меня жутким невежей, ведь я засыпаю вас вопросами личного характера. Но как только библиотекарь назвала ваше имя, я не смог удержаться. Клан О'Коннор в Ирландии связан с некоторыми преданиями — мифами, на самом деле, — а когда я увидел вас и услышал ваше имя, то вдруг подумал, что было бы неплохо, окажись эта история правдой.

Я откинулась на спинку стула и скрестила руки на груди, продолжая изучать его лицо. У меня есть чем заняться, кроме как слушать всякую чепуху, но этот профессор, который

совсем запутался, меня заинтриговал. Генеалогия всегда интересовала меня, правда, после возвращения в колледж я была так занята, совмещая работу с выполнением учебных заданий, что не находила времени даже просмотреть газету, не то что изучать свое генеалогическое древо.

Наверное, ничего не случится, если я потрачу еще чуть-чуть времени на этого профессора.

— А какие предания? — Я поставила локти на стол и подперла подбородок руками. — Я очень мало знаю о генеалогии своей семьи.

— Если позволите... — Профессор взял стул из соседней пустой кабинки и уселся, положив шапочку на колени. — О'Конноры правили в средневековой Ирландии, они были королями Коннахта. С того самого дня, когда норманны впервые ступили на землю Ирландии, О'Конноры были верными союзниками английских монархов, но в 1235 году вероломные пехотинцы и лучники перешли вброд реку Шаннон и убили всю семью короля О'Коннора в его же фамильном замке. Это мы знаем наверняка. Но меня манит именно то, чего мы не знаем до конца.

Он заговорил тише и наклонился вперед, словно раскрывал страшную тайну:

— Говорят, что Кахира, дочь великого короля Рори О'Коннора, как раз рожала, когда на замок напали. Она родила сына в тот судьбоносный день, а когда кровожадные норманны ворвались в замок, служанка тайно вынесла ребенка. Все мужчины находились в башнях и на оборонительных позициях; многие уже погибли или умирали. Кахира, еще не оправившаяся после родов, предпочла защищать свой дом, а не бежать с ребенком.

Нарочито медленно профессор снял очки и принялся протирать их платком, который достал из кармана.

— Как гласит легенда, Кахира подняла меч, чтобы защищать комнату, в которой находилась с другими женщинами, — сказал он и с подозрением осмотрел линзы своих очков, которые затем снова водрузил на нос. — Они мужественно защищались, но женщины не могли остановить профессиональных рыцарей. Кахира, умирая от раны, нанесенной норманским клинком, вскинула руку к небу и обратилась к Богу,

умоляя, чтобы на ее место заступили другие. Вот ее слова: «Пусть яркие звезды покинут свои привычные пути и восстанут добро в этом кровавом мире мужчин».

Профессор рассказывал свою историю спокойным голосом, но мое сердце с каждым его словом все ускоряло биение. Почему этот рассказ так тронул меня? И отчего я сижу здесь и слушаю этого странного, такого мелодраматичного профессора, вместо того чтобы начать свой проект? У этой принцессы-воительницы и у меня одинаковая фамилия, но ведь мы похожи не больше, чем яблоко и устрица.

— Интересная история. — Я улыбнулась профессору Говарду и кивнула в сторону экрана компьютера. — Но мне все-таки нужно возвращаться к работе...

Однако отделаться от него было непросто. Профессор Говард выпрямился:

— В этой истории есть еще кое-что, мисс О'Коннор. У Кахиры тоже были рыжие волосы. Честно говоря, увидев вас, я сразу подумал о ней. — Он посмотрел на меня с легким упреком. — Я решил, что вы, возможно, знакомы с этой легендой.

Наверное, он решил, что все рыжеволосые состоят в некоем тайном клубе?

— Нет, я не очень хорошо знакома с историей Ирландии, — ответила я, снова берясь за мышку и тайно надеясь, что он поймет намек. — Я изучаю английскую филологию. И сейчас должна писать проект...

— У Кахиры тоже была прядка белых волос у левого виска. — Его взгляд вдруг стал странно напряженным. — Я видел изображение принцессы на картине. Если бы это было возможно, я решил бы, что вы ее сестра.

От его замечания я лишилась дара речи. Всю мою жизнь меня дразнили этой прядкой белых волос на левом виске. В детстве давали разные прозвища от скунсоголовой до Круэллы де Виль*. В юности я пыталась закрасить прядку, пару раз

* Круэлла де Виль — злодейка из романа писательницы Доди Смит и популярного мультфильма, поставленного по этому роману, «Сто один далматинец». — *Примеч. пер.*

даже осветляла все волосы, чтобы они были одного с ней цвета, но эта часть моей головы явно отличалась строптивостью. В последнее время я решила с ней больше не воевать. В конце концов, можно просто не реагировать на то, что мир думает о моей внешности, на свете немало вещей, требующих моего внимания. Временами я даже забывала о своей нелепой белой прядке, растущей возле виска.

Но люди, наподобие этого профессора Говарда, постоянно напоминали мне о ней. Сейчас он хочет заставить меня поверить, будто я имею родственные связи с ирландской принцессой, которая, похоже, обрекла всех своих потомков на блуждание среди звезд или на что-то подобное.

Я отрицательно покачала головой и убрала белую прядку за ухо от греха подальше:

— Спасибо за интересный рассказ, профессор, но моя прядка — результат пиебалдизма. Эта часть кожи головы не производит пигмента. Все равно мой случай менее выражен, чем, скажем альбинизм, хотя эти явления схожи.

— Я знаю, — ответил преподаватель, легкая улыбочка застыла на его лице. — Пиебалдизм всегда наследственный. А вы говорите, что ни у кого из ваших родителей или их родителей его нет. Может, у вас есть тетя или дядя, возможно со стороны отца...

Я вскинула руку, останавливая его:

— Никого. Но ген легко мог прийти от какой-нибудь тети в третьем колене. Насколько я знаю, О'Конноры живут повсюду.

— «Разметало, как ирландцев». — Он замолчал и просто смотрел на меня некоторое время, в его глазах не угасал интерес, затем достал визитку из кармана пиджака: — Я верю, моя дорогая, что вы прямая наследница Кахиры О'Коннор. Я знаю, звучит неправдоподобно, но ведь нет ничего плохого в том, чтобы провести небольшое расследование, верно? Если вам понадобится поддержка, вот мой рабочий телефон. Если меня не будет в кабинете, кто-нибудь из студентов примет сообщение. — Он наклонился вперед и хлопнул ладонями по коленям. — Позвоните мне, если у вас вдруг появится желание

узнать больше, мисс О'Коннор. У меня есть несколько книг, которые должны вас заинтересовать.

От неожиданности я взяла карточку. Профессор Говард поднялся, величественно кивнул, затем двинулся по проходу между кабинками и быстро исчез из виду.

Я посмотрела на карточку:

Генри Говард, доктор философии,
профессор истории средневековой Европы.
Городской колледж Нью-Йорка
212-555-2947

Некоторое время я молча рассматривала карточку, но вдруг почувствовала, что краснею. Если это особый метод профессора Говарда знакомиться с молодыми женщинами, нельзя не признать, что он уникален. Естественно, я вовсе не собиралась снова с ним разговаривать, но все-таки за несколько минут он поведал мне историю, от которой мое полное равнодушие вдруг сменилось глубокой заинтересованностью.

— Простите, вы уже закончили? Мне нужен компьютер.

Я обнаружила говорившего у себя за спиной: неопрятный парень в футболке и джинсах; его вопрос застал меня врасплох.

— М-м, я только начала, — ответила я и посмотрела на часы. — И у меня еще осталось пятнадцать минут. Проверьте журнал записи в справочном.

Парень фыркнул и отошел, но я-то знала, что он еще вернется, совершив круг, словно стервятник. Нужно снова браться за работу.

Я совсем было собралась скомкать визитку профессора и швырнуть в ближайшую корзину, но меня неожиданно посетила одна мысль. Раз уж я исследую пиебалдизм, почему бы не сузить чуть-чуть мою тему? Какой от этого вред? И даже не задумываясь, я ввела команду для нового поиска. «Пиебалдизм и О'Коннор», — прошептала я, печатая задание. Если какой-то ген действительно присутствовал в королевской семье,

то должны быть упоминания о других О'Коннорах с пиебалдизмом.

Поиск...

Я постукивала пальцами по столу, дожидаясь, пока допотопный компьютер найдет ответ и сообщит его мне. Рассказ профессора о Кахире показался мне романтическим и впечатляющим, но проклятие или пророчество... Это уже чуть какая-то! Яркие звезды, следующие своим путем? Полный бред. Поэтичный — да, но все равно бред. Возможно, профессор выпил слишком много кофе с утра, и кофеин подтолкнул его воображение.

Результаты поиска... четыре.

Я судорожно вздохнула, когда экран компьютера снова зажегся:

Пиебалдизм и О'Коннор:

Рори О'Коннор, последний король Ирландии, убитый норманнами в 1235... Среди выживших в той бойне был его внук, которого унесли, взяв из рук матери, когда начался штурм. Как гласит легенда, мать ребенка, Кахира О'Коннор, поднялась с постели, в которой только что родила, чтобы взять в руки меч и обратить его против врагов, хотя не исключено, что это всего лишь миф, сфабрикованный ради драматизации страданий ирландской принцессы. Кахира отличалась исключительной красотой, а среди рыжих волос у нее выделялась белая прядь. Это одно из первых упоминаний о пиебалдизме...

Гуситские войны: священные войны, велись против последователей реформатора из Богемии Яна Гуса, которого поддержал папа Мартин V, преемник антипапы Иоанна XXIII (не следует путать с папой нашего времени, который принял то же имя в 1958 году). Среди самых влиятельных сторонников Гуса была Аника из Праги, женщина, жив-

шая в пятнадцатом веке, она стала рыцарем и сражалась на стороне гуситов еще до гуситских войн. Летописи того времени отмечают необычную белую прядь волос, идущую от левого виска, видимо, результат пиебалдизма. Несколько летописцев заявляли, что она считала себя наследницей трона О'Конноров, древних королей Ирландии.

Первооткрыватели и мореплаватели, женщины в море: Эйдан О'Коннор, художница семнадцатого века, современники писали о ней: «Отважная девушка, а в ее огненных волосах одна прядь была золотой», несомненно, еще один случай пиебалдизма. Она училась у картографа, но однажды переделась в моряка и отправилась исследовать мир. Во время плавания с датским исследователем Абелем Тасманом Эйдан О'Коннор сражалась с враждебными туземцами, изучала флору и фауну нескольких тихоокеанских островов, а впоследствии напечатала альбом с гравюрами, который ее современники сочли «удивительным».

Гражданская война, женщины на поле сражения: Фланна О'Коннор, женщина, жившая в девятнадцатом веке в Чарльстоне, она переделась солдатом и сражалась на полях Гражданской войны бок о бок с братом. Ее знали под именем Бархатная Тень, а прославилась она тем, что спасала раненых товарищей, оказавшихся за линией фронта на территории врага... У нее была необычная белая прядь волос в ее рыжих волосах. Смотри «пиебалдизм».

Все мои предыдущие планы быстро угасли, словно плохой радиосигнал. Неужели история профессора Говарда — правда? Неужели существует некая связь между женщинами О'Коннор и объединяющей нас всех физической особенностью? И была же причина, почему все три женщины О'Коннор (четыре, если считать саму Кахиру) имели одинаковую отметину и рисковали своими жизнями, словно они — мужчины.

Мысль весьма неправдоподобная, но выглядела она вполне убедительно. Так что там говорил мне профессор? Умирающая женщина просит Бога сделать так, чтобы звезды сошли

со своего пути и восстановили справедливость в кровавом мире мужчин...

И тут мысли мои словно натолкнулись на кирпичную стену. Ну, конечно! Яркие звезды — это женщины! Кахира забаррикадировалась в своей комнате с другими женщинами замка. И, зная, что мужчины отправились защищать крепость, она отказалась от своей роли матери, дочери и принцессы, чтобы взять в руки меч и сражаться. И в этот час слабости и страха она, возможно, пожалела, что родилась женщиной.

Мое воображение создало образ. Я почти видела эту женщину: вся в поту, конечности дрожат после родов, а в руке у нее зажат тяжелый меч мужа. Ее служанки, несомненно, были с ней, одни плакали, другие жались друг к другу, некоторые помогали няне бежать из замка с ребенком либо через башню, либо через окно. А Кахира, зная, что обречена, молила Бога о том, чтобы ее потомки жили, выросли сильными и восстанавливали справедливость в этом диком мире.

И они это делали! Разве нет?

Меня окатило жаром от волнения и любопытства, в ушах звенело, пальцы на клавишах онемели, а мозг отказывался принимать эту историю. Профессор Говард подбросил ее моему воображению, и я буквально заболела этим открытием, приняв так называемый миф.

Однако это слишком просто, чересчур легко. Неужели я натолкнулась на нечто, чего не знал профессор, или он сам подвел меня к этому открытию?

Я очистила экран и задала новый поиск уже через другой поисковик, кроме того, поменяла порядок запроса. «О'Коннор и пиебалдизм», — шептала я. Затем нажала ввод и принялась стучать кончиками пальцев по столу, кровь кипела от предвкушения.

Профессор Говард никак не мог знать, что я стану проверять его рассказ на компьютере. Если бы я запросила информацию на О'Коннор, то получила бы тысячи ссылок, слишком много, чтобы просмотреть. Возможно, никто не догадался связать имя с пиебалдизмом. Но у меня все-таки имеется собственный интерес.

Поиск...

Компьютер издал звук, и на экране появились те же четыре ссылки, которые я уже видела. Кахира в тринадцатом веке, Аника в пятнадцатом, Эйдан в семнадцатом, Фланна в девятнадцатом. Все эти женщины-воительницы имели фамилию О'Коннор и похожую внешность.

Возможность какой-либо связи между ними казалась безумной, чистой фантастикой, но вдруг все-таки мое предположение верно? Все четыре женщины жили через два века друг от друга, в разных странах, в разных условиях. Ни одна из них не могла знать о существовании остальных. И все же, они все О'Коннор. Они все сражались как мужчины, хотя бы небольшой промежуток времени. У всех были рыжие волосы и бесцветная прядь у виска...

Как моя.

Тут я застыла от волнения. Я же скоро войду в двадцать первый век, два века после Фланны, последней из потомков Кахиры. А вдруг... я следующая?

Мысль была слишком невероятной, чтобы признать ее. У меня задрожали пальцы, а воображение создавало жуткие образы. Что если истории этих женщин как-то связаны с моим будущим? Но я — всего лишь студентка, а не солдат... Или нас всех ожидает какая-то глобальная катастрофа либо битва? Эта мысль показалась мне смешной и невозможной. Хотя мне еще не будет тридцати, когда начнется новый век, я буду достаточно молодой, чтобы исполнить благословение (или проклятие) Кахиры О'Коннор, если таковое действительно существует.

Но тут вмешалась логика. «Это простое совпадение, — сказала я себе. — Ты прочитала слишком много книг, просмотрела слишком много фантастических фильмов. Ты запросила у компьютера ссылки на два слова. Из тысяч, нет, миллионов веб-страниц в Интернете, не стоит удивляться, что нашлось что-то. Это на тебя подействовала странная одержимость профессора Говарда ирландским мифом, вот и все. К тому же уже поздно. И ты устала. А последний срок сдачи работы приближается...»

Я нажала на мышку и убрала все с экрана. Если я не могу отпустить эту тему, то могу ее исследовать. Я изменю тему моего проекта: не буду изучать пиебалдизм, займусь биографиями Аники из Праги, Эйдан О'Коннор и Фланны Бархатная Тень. И возможно, если мой преподаватель не станет возражать, я уделю внимание также биографии самой Кахиры О'Коннор.

А если я случайно обнаружу, что профессор Говард — просто одинокий человек, который решил схитрить, я напечатаю результаты своих исследований в газете колледжа и раскрою обман. Но если он сказал правду — то, возможно, он изменил всю мою жизнь.

Первым рыжеволосым чудом была Аника из Праги, женщина, которая сражалась как рыцарь (неужели в доспехах того времени?) в Богемии.

В Богемии? Когда я была подростком, мать нередко обвиняла меня в богемном поведении, и, как я подозреваю, это не было комплиментом.

Я ввела слово «Богемия» в справочную программу и нажала ввод.

Через тридцать секунд я получила следующее:

Богемия: историческая область, 20368 квадратных миль на границе с Австрией (на юго-востоке), с Германией (на западе, северо-западе), с Польшей (на севере, северо-востоке) и с Моравией (на востоке). Историческая столица — Прага. После распада Чехословакии (1993) область отошла к Чешской республике. А в 15-м веке Богемия была центром религиозного движения гуситов...

Победа!

Как я уже знала из другой ссылки, Аника пошла за мужчиной по имени Гус. Я нажала клавишу «печать» и снова просмотрела статью. Теперь я могу обратиться к ссылкам на «Гус» и поискать Анику в этом гуситском движении. Возможно, я найду что-то еще об Анике из Праги в ссылке на «Чехословакию».

Интересно, что это — причуда судьбы или все-таки знак свыше? Я точно не знала. На тот момент мне было ясно одно: нужно найти все, что можно, об Анике... Потому что, узнав ее прошлое, я, возможно, узнаю что-то о своем будущем.

Я впечатала ее имя в другую поисковую программу и щелкнула по клавише ввода.

Поиск...

Зрнам
О' Комнор

Глава первая

— **М**ама? — Анике снова шесть лет, она маленькая и беспомощная, одна в комнате верхнего этажа трактира на окраине Праги. Отец ушел на конюшни, где у него была встреча с человеком, который обещал найти им лошадь. Аника осторожно передвигалась по темному помещению. Ей казалось, что она раздвигает шторы из черного бархата, пропахшие немывтыми телами и перекисшим сеном. В тишине темной комнаты она почувствовала, что у нее пересохло во рту от страха.

— Мама?

— Тихо, деточка, я здесь.

Соломенный матрас зашелестел во мраке, а теплая мамина рука нащупала локоток Аники и усадила ее на матрас рядом с собой. Аника прижалась к матери, обхватив ее колени, и прищурилась, привыкая к темноте. Две другие женщины спали в дальнем конце комнаты, их тяжелое дыхание смешивалось с похрапыванием собак трактирщика. Два огромных мастиффа спали у дверей, чтобы в комнату не вошли чужие.

Дыхание матери стало глубоким и неспешным; она снова уснула. Но Аника не устала, она спала у матери на руках всю дорогу, пока они ехали сюда, и проснулась, когда ее принесли в эту комнату. В последнее время она вовсе не уставала: вокруг

было столько интересного. Отец перевозил свою семью с фермы в горах в Прагу.

«В Праге есть университет, — рассказывал он Анике, — и люди со всего мира едут туда учиться. Им понадобятся книги, и они привезут с собой книги, а мы будем их переписывать и прекрасно заживем в своем маленьком домике. Вот посмотришь, моя птичка, посмотришь».

Аника выпрямилась и сморщила носик от запаха, царившего здесь. Сильно пахло сеном, которым присыпали пол и набивали матрасы. А еще успокоительно пахло собаками. Анике нравился их запах. Один из мастиффов почуял ее взгляд и, подняв голову, в благодарность одарил спокойной, едва заметной улыбкой. Аника вскинула пухленькие ручки и похлопала в ладоши, чтобы удержать внимание пса, но огромный зверь снова опустил голову на лапы и громко вздохнул.

Аника снова похлопала, отчего пес вскинул голову, а сама девочка захихикала. Но в этот раз мастифф не смотрел на нее. Он вглядывался в окно, черное небо уже начало окрашиваться в яркие цвета зари.

Аника еще раз похлопала в ладоши, ей хотелось, чтобы пес на нее посмотрел. Но тот вдруг подтолкнул своего товарища, который тотчас проснулся и заскулил. Оба мастиффа заволновались и подошли к окну, затем к двери и принялись рычать.

— В чем дело? — Аника вскочила с колючего матраса. — Что случилось, песики?

Тот, что был крупнее, бросился к лестнице. Самка заскулила, потом осторожно взяла в зубы подол платья Аники и потащила ее в темный холл.

Аника засмеялась. Что это за игра такая? Она пошла за собакой, и та повела ее вниз по темной лестнице.

В большом помещении первого этажа над столами и стульями клубился дым. Несколько усталых мужчин с покрасневшими глазами сидели, сгорбившись над столиком в углу, а трактирщик примостился на своем табурете, положив подбородок на сложенные руки и закрыв глаза. Псы стали скрестись в дверь, а Аника уселась на нижнюю ступеньку, где собиралась дожидаться отца.

Один из сидевших за столом вдруг вскинул голову, словно кошка, почувывая движение воздуха.

— Дым? — Он посмотрел в окно и толкнул локтем приятеля. — Пожар! Снаружи пожар! Горит сарай!

Аника вжалась в стенку и растерянно смотрела, как мужчины вскакивают на ноги. Трактирщик проснулся и первым делом выхватил свой кожаный кошель из ящика стола. Двое посетителей побежали к выходу, но у дверей столкнулись, мешая друг другу. Третий кинулся к лестнице, чуть не наступив на Анику в спешке.

— Пожар! — Со двора доносились крики, плач и ржание коней. Кто-то огромный — девочка не разглядела его в суматохе — поднял ее, перекинул через плечо и понес из дома.

И сарай, и трактир превратились в огненную массу, соломенные крыши обоих строений полыхали, как сено на пересохшем поле. Еще вялые со сна мужчины, из тех, что сидели за столиком в таверне, теперь бестолково суетились, наталкиваясь друг на друга, в поисках воды и ведер. Сквозь общий шум Аника услышала голос отца:

— Пустите же меня, идиоты, моя жена и ребенок там внутри!

— Папа! — Аника бросилась к нему и упала в его объятия, но они были непродолжительными.

— Где твоя мать, детка? — Отец наклонился и заглянул девочке в глаза, при этом он крепко сжимал ее руки. — Мама спустилась вместе с тобой?

Аника отрицательно покачала головой.

— Меня отвела собачка, — объяснила она, показывая на мастиффа, который скулил возле пылающего сарая.

Отец снова бросился к горящему дому, но выстроившиеся в ряд мужчины сцепили руки и не пропустили его.

— Слишком поздно, приятель, — сказал один из них. — Теперь туда нельзя. Дом вот-вот вспыхнет.

И тут, словно глас небесный, раздался голос матери, Аника посмотрела наверх. Мать Аники вместе с еще двумя женщинами высовывалась из окна, глядя вниз, где было спасение и толпились спасатели.

— Помогите им! — закричал Эрнан О'Коннор, показывая на женщин. Он подбежал к трактирщику и хлопнул его по плечу, поворачивая лицом к себе. — Ради всех святых, помогите, друг! У вас есть лестница?

— Посмотрите туда. — Трактирщик указал в дальний конец дома. А там, в адских отсветах пламени, Аника увидела двух мужчин в черных одеждах, они держали лестницу, а толстый лысый человечек в красном медленно и осторожно спускался, словно ему совершенно незачем спешить.

Эрнан О'Коннор кинулся к ним, Аника побежала следом.

— Дайте мне эту лестницу. — Отец Аники схватил одного из мужчин за рукав и потянул. — В южной части дома остались женщины.

— Вы возьмете лестницу вместе с кардиналом на ней? — Глаза говорившего округлились от удивления. — Спокойно, парень. Он уже почти спустился, слава Господу.

Человек в красном тяжело слез с лестницы, и двое других вздохнули с облегчением. Отец Аники снова схватился за лестницу, но человек в красном покачал головой, показывая на окно, откуда он вылез.

— Мои облачения, — произнес он и пристально посмотрел на одного из своих людей. — Вы должны достать мои одеяния и сумку с пергаментами.

— Но, Ваше Преосвященство... — возразил кто-то.

— Что же вы за тупицы? — зарычал отец. С неожиданной силой он схватил лестницу и оторвал от окна, но люди в черном остановили его.

— Я пойду. — Тот, что был выше, бросил виноватый взгляд на отца Аники и быстро полез наверх. Когда он влезал в окно, над его головой клубился черный дым, а в следующий момент на землю полетели два узла, которые приземлились у ног Аники.

Человек в красном сухо кивнул и отошел, даже не взглянув, сможет ли его слуга вернуться. Вокруг начали собираться люди. Они оттеснили Анику назад и стучали по лестнице, требуя, чтобы слуга кардинала быстрее спускался, а в дальнем конце дома женщины рыдали, стонали, рвали волосы на голове.

— Папа! — Аника встала на цыпочки, но нигде его не видела. Она выбралась из толпы и обнаружила отца под окном, где ждали помощи женщины. Из окна над их головами валили густые клубы черного дыма, Аника слышала шепот, потрескивание, словно в огне сидела орда гремлинов, которые смеялись и о чем-то болтали.

— Прыгай, дорогая, я тебя поймаю! — Голос отца дрожал, когда он протягивал руки к матери. — Не тяни, просто прыгай!

Аника смотрела, как мама встала на край подоконника, собираясь прыгнуть отцу на руки. Из окна вывалился клуб черного дыма, и окутал маму, словно они неразлучные друзья. Аника почувствовала исходящий сверху жар; вспомнились те редкие дни, когда у отца хватало денег на два полена, и он зажигал их оба сразу в их камине.

— Прыгай, любовь моя! — Мама кивнула и наклонилась вперед, но она не успела спрыгнуть, крыша вдруг зарокотала, словно море, и рухнула. Все ждавшие спасения женщины вылетели в окно среди пламени, пепла и искр.

На миг Анике показалось, что хлынул дождь из тел, деревянных обломков и пепла. Отца сбила с ног рухнувшая балка и ударила по голове. Он распластался на земле, вытянув руки перед собой, глаза его были закрыты, будто он уснул.

Аника тихонько хныкала, трактирщик и его друзья принялись оттаскивать тела. Это были три женщины, первая почти не пострадала, у второй была сломана нога и опалены волосы.

А мама лежала, не шевелясь, ее голова склонилась на сторону, казалось, что она смеется. Она совсем не обгорела, а как бы спала на земле.

— Мама, просыпайся, — умоляла ее Аника. Девочка присела на корточки и шептала ей в ухо, от ее кожи пахло дымом. Аника потрясла мать за руку, ее тело было еще теплым и мягким, как бутон розы. — Мама! Почему ты не просыпаешься?

— Отойди, детка. — Жена трактирщика, дородная женщина с пышной грудью и бедрами, подняла девочку на ноги и повела подальше от жара, исходившего от горевшего дома. — Твоя мама уже на небесах.

Аника с ней не согласилась:

— Моя мама спит.

— Нет, детка, у нее сломана шея. — Женщина смахнула слезу с перепачканной сажей щеки и опустила на колени, чтобы взять ручки Аники в свои. Ее глаза потемнели, в них загорелся злой огонек, а потные руки сжимали маленькие пальчики. — Твоя мама умерла, детка, и во всем виноват этот кардинал. Никогда не забывай об этом, слышишь меня? Бог мне свидетель, Римская церковь и ее священники, всюду сующие свой нос, всех нас сведут в могилу.

Аника ничего не понимала, но послушно кивала, пока женщина не отпустила ее руки. Не зная, чем ей заняться, девочка стояла и смотрела, как женщина поднялась с колен и обернулась на свой полыхающий дом, от которого уже почти ничего не осталось. Откуда-то издалека Аника услышала хриплые рыдания своего отца.

А когда человек в красном собрал свои узлы и пошел прочь от скорбного места, Аника зажмурила глаза, ей было страшно смотреть на человека, который не дал ее матери лестницу.

— Уходи, — прошептала она, боясь открыть глаза — вдруг он еще не ушел и с издевкой смотрит на нее, самодовольно улыбаясь. — Уходи, пожалуйста. — Слова царапали горло, словно она проглотила нечто острое. — Уходи, уходи, *уйди!*

— Аника! Открывай глаза, просыпайся!

Она тотчас подчинилась, хотя сердце сжималось от ужаса. Но на нее смотрел не кардинал. На краешке кровати сидел отец, он держал ее за руки, его губы были скорбно сжаты.

— Папа? — Слово прозвучало хрипло, горло судорожно сжалось.

— Аника, тебе приснился кошмар. — Он вглядывался в лицо дочери. — С тобой все в порядке?

Девушка судорожно вздохнула. Она дома, в своей постели. И ей не шесть лет, а шестнадцать.

— Так с тобой все хорошо или придется оставить свет на ночь для такой большой девочки? — Теперь отец улыбался,

но она все равно видела мрачные воспоминания в глубине его глаз, он прятал их за своими подшучиваниями. Он знал, что ей снилось — все эти годы сны снова и снова возвращались. Возможно, и ему снился тот пожар, но он не мог допустить, чтобы она за него переживала. Эрнан О'Коннор был человеком добросердечным.

— Спасибо, папа, — прошептала она, обнимая его за шею. Ей было уютно в его объятиях, и она закрыла глаза, но смутные тени из ее снов все не уходили. Она распахнула глаза и стала смотреть через его плечо на свет мигающей свечи, а отец тихонько качал ее и напевал ирландскую колыбельную.

«Красивая фигура разжигает любовь почти без всяких усилий, особенно, когда ищут возлюбленного бесхитростного, поскольку бесхитростный влюбленный думает, что искать в возлюбленной надо только красивую фигуру и лицо, а еще ухоженное тело. Я, конечно, не виню таких людей за их любовь, но и не одобряю, потому что любовь...»

— Аника!

Девушка скорее удивилась, нежели испугалась, и оторвалась от книги, которую прятала под пергаментами. За дверью стоял отец, он чуть приоткрыл ее, просунув голову внутрь:

— Поспеши, моя девочка! Прячь дощечку* Гуса и пергаменты! К нам идет архиепископ.

Обеспокоенный вид отца испугал Анику. Она захлопнула книгу и привычным жестом смахнула восковую дощечку мастера Гуса себе на колени, а верхний пергамент подложила под остальные, лежавшие на ее доске для письма. Архиепископ Албик не был ее любимым служителем церкви (если говорить откровенно, Аника вовсе его не любила). Но, будучи

* Дощечка из твердого дерева с выдолбленным углублением, куда заливался темный воск. На дощечке писали острой палочкой, надписи можно было стирать и исправлять. — *Примеч. пер.*

архиепископом Праги, в Богемии он считался самым влиятельным человеком после короля Венцеслава*.

Отец распахнул дверь, и тишину мастерской копииста нарушил холодно-безразличный голос архиепископа:

— Благодать и мир от Бога вам, живущим в этом доме. — Аника бросила взгляд себе на колени, чтобы убедиться, что дощечка мастера Гуса и ее книга хорошо спрятаны, затем изобразила невинную улыбку, а отец отступил в сторону, пропуская архиепископа.

Анике приходилось бороться с отвращением всякий раз, когда она видела чопорного и надменного архиепископа Албика в мастерской отца. Одна важная персона в Риме назначила его служить в Праге, и, как его предшественник, Албик, казалось, сосредоточился в основном на укреплении своего положения и власти, а не на служении Божьим людям. В последнее время он проявил себя ярким врагом всех, кто любил правду и искал ее в Евангелии.

— Добрый день, дети мои, — сказал Албик, делая шаг в комнату, царственно склонив голову с тонзурой**. Он протянул отцу свое массивное золотое кольцо для поцелуя, а Аника опустила глаза, чтобы не видеть, как отец преклоняет колени перед архиепископом. Почему он не оставляет их в покое? Разве в городе, кроме них, нет других копиистов? Пусть бы докучал им, тем более что другие не поддерживали Яна Гуса.

Архиепископ оглядывал их тесную мастерскую, пока отец поднимался на ноги, благочестиво сложив ладони перед собой.

— Какому же счастливому случаю мы обязаны такой честью, Ваше Преосвященство?

* Венцеслав — латинизированная форма имени Вацлав. В данном случае речь идет о Вацлаве IV (1361–1419). С 1376 года под именем Венцель он был королем Германии (формально Римским королем); с 1378 года — королем Чехии. Родом был из династии Люксембургов, сын императора Священной Римской империи Карла IV. В 1400 году был низложен с германского трона, но остался королем Чехии. — *Примеч. ред.*

** Тонзура (от лат. tonsura — стрижка), выстриженное или выбритое место на макушке головы, в католицизме — знак принадлежности к духовенству. — *Примеч. ред.*

— Какой бы был от меня прок, если бы я не заботился о благополучии вверенных мне душ? — ответил ему архиепископ с каменным лицом. А глаза его обегали помещение, не упуская из виду свернутые пергаменты, бутылки чернил, ценные книги, которые хранились в сундуках в дальнем конце тесной мастерской. — Как я вижу, у вас много работы. — Архиепископ небрежно махнул рукой в сторону восковых дощечек, что лежали в корзине возле письменного стола Аники. — Я и не подозревал, что в нашем святом городе живет столько писателей. У вас намного больше работы, чем у всех копиистов на вапей улице.

— Но это естественно, нас заваливают работой студенты и преподаватели университета, хвала Господу, — ответил ему отец, почтительно склоняя голову. — А у моей дочери талант к письму. Милостью Божьей и благодаря помощи дочери, мы работаем быстро и с радостью, наши клиенты получают отличные копии. Они приносят свои книги и лекции, как видите, кроме того, мы одалживаем им те немногие книги, что у нас есть...

— Так, посмотрим, что тут у вас, Эрнан О'Коннор? — Архиепископ направился к письменному столу, за которым обычно работал отец. На доске для письма лежал пергамент, прижатый куском пемзы, рядом лежало перо, а рог с чернилами не был прикрыт.

— Я читал этот пергамент перед переписыванием, — пояснил отец, и в его глазах мелькнул блеск облегчения. — Я еще не приступил к копированию.

— Но собирались. — Архиепископ указал на восковую табличку, что лежала на краю стола отца. — А что вы будете копировать сегодня? Снова писанину студентов университета? Или уроки какого-нибудь преподавателя? — Он небрежно потер подбородок. — И ни на одной из этих табличек не записана проповедь священника Вифлеемской часовни, так ведь? И нет слов того еретика Уиклифа*?

* Джон Уиклиф (Виклиф) (англ. John Wycliffe; 1320 или 1324 — 31 декабря 1384) — английский богослов, профессор Оксфордского университета, основатель учения, впоследствии превратившегося в народное движение лоллардов, реформатор и предшественник протестантизма. Первый переводчик Библии на среднеанглийский язык. Решительно восставал против монастырского землевладения и роскоши духовенства. — *Примеч. ред.*

— Я не допущу, чтобы ересь переступила порог моего дома, — ответил отец Аники, расправляя плечи. — Я забочусь о своей дочери, Ваше Преосвященство, и не позволю ереси проникнуть в ее мысли, не подвергну опасности ее бессмертную душу. Мы люди богобоязненные, я ведь уже говорил вам?

Албик кивнул, соглашаясь:

— И оставайтесь таким, Эрнан О'Коннор. — Когда архиепископ поднял руку, Аника поспешила опустить голову, но не чтобы принять его благословение, а чтобы избежать его. Она не любила и едва выносила действующего пражского прелата. Они с отцом несколько раз посетили его службы и остались духовно неудовлетворенными. Архиепископ проводил службы скучно, слова его были сухими, казалось, они сначала проходят через бесплодную пустыню, а уж затем слетают с его губ. Мало того, он проводил богослужение на латыни, сама Аника понимала этот язык, зато многие богемцы его не знали.

К счастью, архиепископ был слишком занят проверкой их мастерской, а посему не мог оценить глубину «уважения» к нему в ее взгляде. Албик оглядел мастерскую в последний раз, развернулся к дверям и вышел вон с чопорным достоинством. Каждый из свиты архиепископа — странной компании, состоявшей из священников, писцов и прочих церковников, — посчитал своим долгом заглянуть в дверь мастерской, словно хотел убедиться, что их хозяин не оставил после себя толику своей святости, и тотчас уходил, чтобы не отстать от его преосвященства.

Отец ничего не сказал, а опустил на стул. Аника убедилась, что приближенные архиепископа ушли, и снова положила восковую табличку, которая лежала у нее на коленях, на стол.

— Он никогда не заподозрит, что ты доверяешь мне такую важную работу, отец, — прошептала она, не сводя глаз с дверного проема на случай, если вдруг снова объявится какой-нибудь монах, чтобы подсмотреть. — Он бы не поверил, что я копирую проповеди мастера Гуса.

— Он боится вовсе не копирования, моя маленькая птичка, — ответил отец, опуская свои испачканные чернилами ладони на чистый пергамент, что лежал на столе перед ним. — Он боится тех слов, которые ты переписываешь. Иные люди всего лишь с помощью пера и бумаги успешно разрушали бастионы, а другие не могли одолеть их даже с мечом и отлучением. — Он застыл, прищурив глаза. — Честно говоря, я думаю, что Албик боится самой церкви. Поскольку на кону не только их положение, их власть, но и их бессмертные души. И если Ян Гус прав, а все, что мне доводилось прочесть в Священном Писании, говорит именно об этом, священники и епископы захотят отделаться от Гуса... как и ото всех, кто как-то с ним связан.

От страха у Аники перехватило дыхание. До нее доходили слухи о грядущей войне, о крестовом походе, который должен стереть те слова, что она переписывала каждый день.

И когда их глаза встретились, отец улыбнулся и отогнал одним взглядом все ее опасения.

— А сейчас, дочь моя, я голоден, как дюжина мужчин. Может, посмотришь, не осталось ли в кладовой хлеба и сыра?

— Да, отец, — прошептала девушка. Но когда она поднялась со стула, «Искусство утонченной любви» выскользнуло из-под передника и со стуком упало на пол. Аника подняла книгу, исполненная чувства вины, ей было стыдно, что она воспользовалась доверчивостью отца, к тому же сама книга ее очень смущала.

Но отец был занят изучением чистого пергамента, лежавшего перед ним, и ничего не заметил. Аника прижала книгу к сильно бьющемуся сердцу, она была готова пуститься в объяснения, что просто мечтает, а на самом деле еще не готова влюбиться и выйти замуж, но отец пребывал в блаженном неведении о том, что происходит у него за спиной.

Аника задержалась, глядя на широкую спину отца, и решила, что не станет улыбаться. Отец знал, что она читает, он знал все, что происходит в их маленьком доме.

Она засунула «Искусство утонченной любви» назад в сундук и пошла наверх, мурлыча что-то себе под нос.

— Эй, Эрнан, думаю, после посещения такой важной особы ты выставишь меня из своего дома.

Аника обрадовалась, услышав знакомый голос. Она поспешила вниз с подносом и появилась в мастерской как раз вовремя, чтобы увидеть приход пана Петра, лучшего друга отца и их ближайшего соседа. Дверь их мастерской сразу показалась миниатюрной из-за крупных размеров его тела. Хотя ему было не меньше шестидесяти, с годами он не сгорбился, а его голос не потерял силу. Плечи мужчины уже не были такими мощными, как во времена его военной службы у пана Гонзы из Хлума, но все равно пан Петр выглядел внушительно. Белые выющиеся прядки завитками спадали на огрубевшую кожу лба, а его очень темные глаза выделялись на смуглом лице в обрамлении седых волос.

Тонкогубый рот Петра вытянулся в ироничную улыбку, едва он увидел Анику:

— Значит, обедаете, а старому другу даже не предлагаете?

— Немного странно, верно, Аника, — парировал отец, подмигивая, — что пан Петр всегда заходит в обеденное время? — Он вытер руки тряпкой и встал, чтобы поприветствовать друга: — Добро пожаловать, Петр, угощайся, чем захочешь. Сегодня у нас только хлеб и сыр, ничего особенного, но мы всегда рады тебе...

— Спасибо, я не хочу есть. — Петр закрыл за собой дверь, потопал сапогами, стряхивая с них грязь, и сдернул пыльный плащ с плеч. Гость без церемоний сам повесил его на гвоздь возле двери, затем устроил свое долговязое тело на табуретке и скрестил руки. — Итак, скажите-ка мне, — его изрезанное морщинами лицо поворачивалось то к Анике, то к Эрнану, — какой счастливый случай привел архиепископа Праги к вашему порогу? Знаете ли, вам одним выпала удача лицезреть архиепископа в своем доме. Все соседи только о том и судачат. А как я-то жалею, что не оказался здесь, чтобы поприветствовать Его Высокопарность лично!

— На самом деле, ничего особенного, — ответил копиист, снова усаживаясь за свой письменный стол, а Аника посте-

лила перед ним салфетку. — Не более чем дружеский визит, в худшем случае, неудачная попытка пошпионить. Он спросил, как у нас идут дела, поинтересовался, почему у нас так много табличек для копирования. Я заверил его, что всему виной близость университета и таланты моей дочери.

Пан Петр приподнял густые брови:

— И ничего не сказал о мастере Гусе?

В глазах Эрнана вспыхнула веселая искорка.

— Ах да, он спросил, не переписываем ли мы ересь, а я заверил его, что нет. И я при этом чист перед Господом.

Петр откинул голову назад и захохотал:

— Это точно, Эрнан, никакой ереси, пока архиепископ не принесет вам одну из *своих* проповедей. И что бы ты тогда делал? Отказал бы ему или стал бы лицемером?

— Если бы архиепископ принес мне свою табличку для копирования, — ответил Эрнан, чуть улыбаясь уголками рта, — боюсь, у меня оказалось бы слишком много работы, чтобы за нее взяться. Сам посмотри, у нас работы больше, чем мы можем сделать.

Аника подала отцу щедрую порцию хлеба и сыра и сразу же вернулась за свой стол. Она откусила кусочек хлеба и робко улыбнулась старому рыцарю:

— А вы сегодня свободны, пан Петр? Не спасаете дам? Не убиваете драконов?

— А, — начал Петр, расстегивая верхнюю пуговицу своего высокого воротника, — должен признать, что вы достойная дочь своего отца, Аника. Одно лишь остроумие не могло сделать ваш язык таким ехидным.

— Но я вовсе не ехидничаю, дорогой пан Петр, — ответила Аника, молитвенно сложив руки и глядя на него.

Она действительно восхищалась пожилым рыцарем и прекрасно знала, что больше всего на свете он любит рассказывать о своих приключениях. Те немногие рыцари, кто доживал до старости, обычно селились в тихом домике во владениях своего господина, но возлюбленный хозяин Петра умер прежде, чем успел наградить своего верного капитана. Он мог остаться на службе у его сына, но предпочел перебраться

в город, вместо того чтобы снова доказывать свое рыцарское мастерство, что более подобает молодым мужчинам. Теперь он жил в небольшом домике напротив книжной лавки Эрнана О'Коннора, зарабатывал на жизнь доставкой книг и время от времени обучал искусству дуэли сыновей знатных панов, которым было неловко выказывать свое неумение перед собственными домочадцами.

Аника подозревала, что за маской бахвальства и шумихи скрывался очень одинокий человек. На этот раз она одарила его самой очаровательной улыбкой:

— Если у вас найдется время, пан Петр, я бы послушала рассказ о том дне, когда вы сопровождали свою пани в церковь, а ревнивый поклонник пытался ее похитить. Эта история не может мне надоесть.

— Зато надоела мне, — возразил отец довольно добродушно, но все равно скрестил руки на груди и приготовился слушать. Они оба знали, что пана Петра невозможно остановить, если он принимается что-то рассказывать.

Аника отщипывала кусочки сыра и хлеба, совершенно забыв о своей работе, а Петр пустился рассказывать о наглой попытке украсть благородную даму и о том, как он сам доблестно отбил нападение ее поклонника. Он уже подошел к моменту, когда дама упала с коня в ручей, как дверь мастерской снова закрипела. Вошел еще один священник, при виде которого пан Петр тотчас оборвал свой рассказ на середине предложения.

— Мастер Гус! — Отец Аники тотчас вскочил со стула, чтобы поприветствовать гостя. — Как я рад вас видеть! Как у вас сегодня дела?

И по внешности, и по поведению Ян Гус отличался от архиепископа, как ягненок от волка. Гус не носил атрибуты и одеяния штатного служителя церкви, а предпочитал коричневую рясу, какие носили монахи низшего ранга. Он выстригал тонзуру на макушке среди густых каштановых волос, а его борода торчала вперед, сильно напоминая грозный палец. Он был важной персоной — мастер (некоторое время — ректор) Пражского университета и духовник королевы Софии, — но с лю-

бым человеком он всегда вел себя обескураживающе приветливо. Озорные морщинки у рта и в уголках глаз, сиявших радостью, выдавали острый ум и веселый нрав.

По одежде и поведению Ян Гус выглядел как простой монах, но его глаза, как считала Аника, выдавали в нем человека отнюдь не простого, хоть и в монашеском одеянии.

Даже пан Петр поднялся, признавая достоинства этого посетителя мастерской:

— Мастер Гус, вы оказываете мне честь. — Старый рыцарь снял с головы бесформенную шапку, спитую из мешковины, и поприветствовал священника низким поклоном. — Если вам когда-нибудь понадобится отважное сердце и острый клинок, позовите меня.

— Спасибо, достопочтенный пан. — Гус принял предложение рыцаря с трогательным достоинством, затем повернулся к отцу Аники, и его лицо озарилось улыбкой. — Прекрасно встречаете, Эрнан! Надеюсь, я никому не помешал? Я тут подумал, что стоит проверить, как продвигается моя проповедь против торговли индульгенциями. Брат Уильям только что сообщил мне, что в Прагу направлен папский легат. Если я не ошибаюсь, папа начинает действия против нас.

— Он уже издал буллу*? — Эрнан нахмурил брови.

Аника наблюдала за отцом и не могла не отметить его обеспокоенный тон. Полное пренебрежение и безразличие представителя церкви, возможно, косвенно привели к смерти матери, и отец отвечал церкви таким же безразличием, пока не начал копировать для Яна Гуса. Теперь решения, принимаемые папой, злоупотребления властью, все, против чего выступал Гус, отец принимал близко к сердцу.

Мастер снова посмотрел на Петра:

— Уверен, мой друг рыцарь поймет, о чем идет речь. С самого Великого раскола, когда церковь вдруг получила трех пап

* Булла (от лат. *bulla* — «печать», букв. «пузырек») — основной средневековый папский документ со свинцовой (в особых случаях — золотой) печатью, после XV века издавался реже. В позднейшие века буллой стали называть только важные указы и торжественные послания пап. — *Примеч. ред.*

и каждый из них заявил, что именно он помазанник Божий и глава церкви, папство пребывает в хаосе. Ни один из пап не желает уступить власть другому. И теперь папа Иоанн XXIII* старается объединить всю империю и заполучить больше поддержки. Владислав, король Неаполя, начал угрожать Риму, поэтому папа Иоанн решил провозгласить священный поход против него. И всякому, кто примет участие в его войне, папа подарит неограниченную индульгенцию и отпущение всех грехов.

Взгляд Гуса затуманился.

— В булле говорится, что тем, кто внесет денежную лепту в кампанию, гарантировано место на небесах. Эта булла должна зачитываться каждое воскресенье во всех церквях, но я не подчинился приказу. Как могу я провозглашать объявление войны, когда стараюсь вести своих людей к миру?

— Мы не станем терпеть такого противозаконного папу! — неожиданно вмешался в разговор Петр. — Мы все-таки богемцы, и нам хватает ума видеть эгоистичные планы папы. Мы не станем участвовать в его мелкой мести и войнушках...

— Увы, мой храбрый друг, многие люди верят, что у папы есть такая власть, и даже полномочия, чтобы прощать грехи до того, как они совершены, — перебил его Гус. — Боюсь, такие люди попадутся в его капкан.

— Теперь я понимаю, почему архиепископ проявил столь живой интерес к моей работе, — сказал Эрнан, почесывая подбородок. — Так вы утверждаете, мастер Гус, что папа Иоанн вовсе не представитель Христа на земле? И вы готовы опубликовать подобное заявление? Последствия будут ужасающими...

* Римский папа Иоанн XXIII (1410–1415). Балтазар Косса — граф Белланте, владелиц Искьи и Процинты. Один из наиболее развращенных пап эпохи упадка. После принятия духовного сана занимал высшие должности при курии Бенедикта IX. Во время Великого западного раскола стал одним из антипап. Он принял участие в аресте Яна Гуса и выдвижении обвинений против него (сожжен Гус был уже после бегства Иоанна из Констанца, когда Собор в Констанце, 1415 г., потребовал его отречения). Позже Мартин V назначил его епископом Тускуланским и деканом коллегии кардиналов.— *Примеч. ред.*

— Я говорю это здесь, в узком кругу, и даже заявлю об этом моим студентам на занятиях в университете, — ответил мастер Гус, его щеки зарделись. — Но я давно научился, Эрнан, что осторожность и милосердие всегда следуют вместе. Я не могу объявить правду людям, которые не готовы ее принять. Если они потеряют веру в папу, разве можно быть уверенным, что они не потеряют вместе с ней и веру в церковь? И в самого Христа? Они должны знать Того, в Кого верят, а многие из них совсем не знакомы с Евангелием.

Даже в полумраке мастерской Аника заметила, как взволнован проповедник, кровь прилила к его лицу.

— Но знайте, друзья мои, — этот папа Иоанн ничего общего с Христом не имеет. До того как он взял это имя, его звали Балтазар Косса — убийца, пират и солдат, вовсе не благородный рыцарь, как вы, друг Петр. Он достоин только вечного презрения, ибо всегда шел путем зла. Я слышал от людей, которым можно доверять, что он предавался почти всем мыслимым грехам. Низость его природы ни для кого не секрет; однако, используя хитрость, дерзость и предательство, этот жалкий вор смог занять место верховного главы Церкви.

Мастер Гус вдруг остановился и виновато посмотрел в сторону Аники. Девушка зарделась и потупила взгляд.

— Не опасайтесь говорить откровенно при мне, мастер Гус, — сказала она прямо. — Мой отец не скрывает от меня правды, а я прочитала немало книг о злых деяниях, которые овладевают нашим миром. К тому, что я уже знаю, вы немного можете добавить.

— Девочка говорит правду, — заверил Эрнан, репительно кивая. — Она не такая, как большинство шестнадцатилетних девушек в Праге. Аника очень умна для своих лет.

— Жаль, что я не знал так много в ее возрасте. — Глаза священника затуманились на миг, словно от дурного предчувствия, пока он смотрел на Анику, затем повернулся к ее отцу. — Кажется, я забыл, о чем говорил.

— О папе, — с готовностью подсказал Петр. — Вы рассказывали, что он был мошенником и головорезом.

— Ах, да. — Проповедник печально улыбнулся. — Что ж, пути Господни неисповедимы. В любом случае, Эрнан, мне нужно как можно больше копий моей проповеди. Моим студентам придется сравнивать мою позицию относительно продажи индульгенций с буллой папы. А его эмиссар уже скоро окажется здесь.

— Я закончил первую копию. — Эрнан порылся среди скрученных пергаментов на столе. — А Аника сразу же начнет работать над второй. За два дня мы можем сделать десять копий, если вас устроит.

Слова отца устыдили Анику: она *должна была* трудиться над проповедью мастера Гуса, но вместо того увлеклась книгой «*Искусство утонченной любви*». Она вовсе не ждала, что за ней начнет ухаживать аристократ, просто ей было интересно узнать что-то о жизни, которую ей никогда не доведется увидеть.

Священник задумчиво улыбнулся:

— Ах, Эрнан О'Коннор, вы слишком ко мне добры... Я знаю, что вам придется работать за счет других заказов, а я не могу заплатить вам достаточную цену, необходимую для ваших нужд...

— Господь помогает нам, и мы не голодаем, — ответил Эрнан, поправив копну каштановых волос. — И если говорить честно, в наши смутные времена книга может помочь куда больше, чем многие люди.

— Хорошо сказано. — Гус повернулся к отцу, глазами указал на Анику и заговорил шепотом: — На самом деле, Эрнан, я хотел поговорить с тобой наедине. Нельзя ли послать дочку с каким-нибудь поручением?

Аника почувствовала, что краснеет. Когда же они перестанут обращаться с ней, как с нежным цветком? Еще минуту назад проповедник отмечал ее ум, а теперь хочет отослать из дома, словно маленького ребенка. Что же это за новости, которые он не может сообщить при ней, думая, что она не поймет?

— Конечно, я как раз собирался попросить Анику отнести эти книги, — сказал отец, показывая в сторону упакованной

стопки на этажерке возле ее стола. Он повернулся к девушке и жестом указал на дверь: — Аника, птичка моя, эти книги нужно отнести новому ректору университета. И обязательно передай их лично в руки. Они слишком ценные, чтобы доверять посторонним.

— Да, отец, — прошептала девушка, надеясь, что недовольство в ее голосе не испортит мнение проповедника о ней.

Гус подмигнул ей, когда она надевала плащ.

— Прошу прощения за то, что отсылаю вас, — сказал он, а его глаза цвета красного дерева потеплели.

— Я понимаю, — ответила Аника с вымученной улыбкой. — Вам нужно обсудить что-то, что меня не касается, а значит, лучше это сделать в мое отсутствие.

— Напротив, моя дорогая, новости, которые я принес, касаются именно тебя, — ответил Ян Гус, а его глаза вдруг посебрили. — И ради твоей безопасности, думаю, ты позволишь нашему другу пану Петру проводить тебя до университета. Возможно, мы еще увидимся, когда ты вернешься из университета.

Петр тяжело поднялся с табуретки и взял сверток с книгами под мышку.

— А по дороге я доскажу вам свою историю, — сказал он, распахивая дверь перед Аникой одной рукой и удерживая книги другой. — Насколько я помню, пани как раз упала в ручей, а я стоял рядом, и у меня был только меч, чтобы защитить ее честь.

Аника ласково улыбнулась ему, потом повернулась к мужчинам и присела в реверансе, прощаясь с мастером Гусом. Она еще немного потопталась у дверей, надеясь поймать намек, о чем же священник намеревается поговорить с ее отцом, но он взял в руки восковую дощечку, ясно давая понять, что не станет говорить, пока она не уйдет. Задерживаться дольше она не решилась.

Девушка, снедаемая беспокойством и любопытством, неохотно позволила пану Петру взять себя за руку, и они вышли на холмистые улицы Праги.

Петр с радостью сопровождал Анику до университета, но не имел ни малейшего желания дожидаться вместе с ней ректора. По природе нетерпеливый, сейчас он жаждал знать, что же заставило мастера Гуса отослать девушку из дома, поэтому попросил секретаря ректора отправить девушку домой в сопровождении доверенного лица и распрощался. Он поторопился назад в мастерскую и вошел, даже не постучав. Эрнан О'Коннор и Ян Гус так были увлечены беседой за рабочим столом копииста, что ни один из них, кажется, не заметил, как вернулся Петр.

— Теперь вы видите, как обстоят дела, — говорил в это время Гус, и никакой шутливости в выражении его лица больше не было. — Ваша дочь достаточно взрослая, чтобы выйти замуж, и немало мужчин отмечают ее приятные манеры и миловидность. Вы молодец, Эрнан, что вырастили ее один, а какие у вас планы на ее будущее?

— А почему она не может провести свое будущее здесь, со мной? — У Эрнана вспыхнули щеки. — Я научил ее читать и писать на четырех языках. И на сто миль в округе вы не найдете второй такой начитанной девушки! Она цитирует Священное Писание на богемском, французском и даже английском языках. Я научил бы ее и гэльскому*, но на мой родной язык в этих краях нет спроса. Я рассчитывал, что мы продолжим работать вместе...

— Вы прекрасно справились, я вовсе не оспариваю ее достоинств, — остановил его Гус, протягивая руку, чтобы успокоить. — Но сама мысль о том, чтобы женщина занималась ремеслом, абсурдна. Ей нужно выйти замуж, а какие вы привили ей женские навыки? Хлеб, который вы ели на обед сегодня, ведь не она испекла, верно? А знает ли она хоть что-то, что должна знать будущая жена?

Лица копииста стало цвета томата.

* Гэльский — ирландский язык (Gaeilge, ирландский гэльский, ранее — гаэльский) — язык ирландцев, один из кельтских языков. Государственный язык Ирландской Республики. — *Примеч. ред.*

— Она может читать не хуже вас, мастер Гус, и может переводить.

— Будьте честны, Эрнан. — Священник бросил взгляд на Петра, в котором ясно читалось: «Помогите мне». Петр не решил пока, кого стоит поддержать, поэтому опустил на табурет в углу и стал ждать, чьи аргументы окажутся сильнее.

— Аника будет работать со мной. — Эрнан вымученно улыбнулся священнику и натянуто кивнул. — Ей незачем выходить замуж. Мы неплохо зарабатываем вдвоем, ни один писарь в Праге не копирует лучше нас. Студенты университета платят ей за каждый столбец — шестнадцать столбцов из шестидесяти двух строк за грош, неплохой доход! Кроме того, Аника занимается выдачей книг за деньги — скоро наша библиотека станет приносить такой же доход, как копирование. Пока у моей дочери есть книги, она не будет голодать.

— А если она захочет замуж? — возразил проповедник.

Серо-голубые глаза копииста распахнулись от удивления.

— С чего бы ей хотеть? Ее дом здесь, а отец заботится обо всем.

— Она может захотеть свой дом. Она ведь читает романы, возможно, она мечтает о муже... и о любви.

От изумления кровь отлила от лица Эрнана. Петр сидел неподвижно, ему было жаль любящего отца, который неожиданно понял, что его дочь больше не ребенок. На самом деле, сам Петр страшился того дня, когда Аника их покинет, и никак не хотел признать, что это время быстро приближается.

— Я уважаю вас, мастер Гус, — сказал Эрнан дрожащим от сдерживаемых чувств голосом, — но не буду благодарить вас за то, что вы высказали такое мнение в моем доме. Анике незачем выходить замуж, ей ничего не нужно. Ее будущее обеспечено: любая из этих книг в сундуках стоит своего веса серебром. Я пятнадцать месяцев провел за копированием Священного Писания, оно в том резном ларце, в деревянном переплете, покрытом золотым листом...

— Эрнан, я вижу, что огорчил вас, но я вовсе не хотел этого. — Гус посмотрел на Петра. — И я рад, что вы вернулись, мой отважный друг. Хотя вы больше не пользуетесь мечом,

ваше знание жизни знатных людей может помочь нам в будущем.

Петр кивнул и вдруг почувствовал, что начинает волноваться.

Гус расправил плечи и снова повернулся к Эрнану:

— Я заговорил с вами об Анике, Эрнан, не потому, что нашел ей мужа. Если вы хотите наслаждаться ее милым обществом еще несколько месяцев, кто я такой, чтобы запрещать вам? Но не позволяйте своим глазам обманывать вас. Возможно, вы еще видите в своей дочери ребенка, но остальные видят взрослую женщину, и очень хорошенькую.

— Священники... — Эрнан буквально выплевывал слова, — не должны подмечать такие вещи.

Удивленный священник поджал губы:

— Священники тоже мужчины, Эрнан. Однако я пришел не затем, чтобы остеречь вас от священников. Но я здесь, чтобы сказать вам, если вы не будете думать о браке вашей дочери, не помолвите ее с мужчиной, другие могут подумать, что она предназначена для более низких целей. Я даже слышал — не могу сказать, каким образом, — что некий молодой богемец уже заметил красоту вашей дочери. Он даже начал преследовать ее на улицах.

— Что? — Задумчивое настроение Петра тотчас сменилось гневом. — Клянусь псами ада, я выслежу того молодого человека и вырву его бесстыжие глаза!

Священник примиряюще вскинул руку:

— Это не поможет, храбрый Петр, но мы ценим вашу отвагу и преданность нашей Анике. Нет, тут нужна не сила, а знания. Эрнан, вы должны решить за свою дочь. Если она хочет замуж, вам нужно начать подыскивать ей мужа, который вас устроит. Тот негодяй, о котором я говорил, благородных кровей, и, скорее всего, он не возьмет вашу дочь в жены, но без раздумий... — священник опустил взгляд, — использует ее самым бесстыдным образом.

Петр посмотрел на своего друга; лицо Эрнана превратилось в жуткую маску ярости.

— И кто это смеет так думать о моей дочери?

— Вы не можете контролировать мысли молодых людей, Эрнан. Во всяком случае, не больше, чем наши отцы контролировали наши мысли, когда мы были молодыми и неуправляемыми. — Гус постучал кончиками своих изящных пальцев по крышке стола. — Но вы должны исполнить свою часть работы, обеспечивая ее безопасность. Сообщите всем, что она помолвлена, даже если свадьба произойдет только через два-три года. И объясняйте каждому, кто поинтересуется, что ей не нужны ни ухаживания, ни защита. Мужчины редко покупаются на невинную овечку, если знают, что пастух и хозяин настороже.

Наконец лицо Эрнана осветило понимание, пробившееся сквозь лед.

— Я учту ваши слова, — сказал он. — И завтра же начну искать ей достойного жениха. Но спешки быть не должно. И нужно спросить саму Анику. — Он резко поднялся из-за стола, его сильные руки дрожали. — Я люблю свою дочь, достопочтенные паны, и не отдам ее замуж за кого попало. Извините меня, мне нужно кое-что взять на втором этаже. И о многом подумать.

— А мы оставим вас наедине с вашими мыслями, — ответил Гус, поднимаясь. Как только Эрнан повернулся к лестнице, мастер Гус посмотрел на Петра, ничего не сказал, а кивком показал ему на дверь. Также молча Петр поднялся и собрался идти за священником.

— Да пребудет с вами милость Господня, Эрнан, друг мой, — благословил Гус и открыл дверь. — И не стесняйтесь обращаться ко мне, если возникнет нужда.

Копиист махнул рукой и что-то пробормотал себе под нос, но Петр не расслышал слов. С удивительной для такого худого мужчины силой священник вытолкнул Петра за дверь.

Едва они оказались среди привычного шума людной улицы, Гус взял Петра за локоть и подтолкнул прочь от мастерской копииста:

— Где вы оставили девушку?

Петр побледнел:

— С секретарем ректора. Я же не знал, что ее преследуют.

— Отправляйтесь туда немедленно и проводите Анику домой лично. — Морщинки на лбу и вокруг глаз священника стали резче.

Петр почувствовал, как учащается пульс. Неужели опасность столь велика?

— Если она действительно в опасности, — сказал он, автоматически опуская руку на рукоять меча, висевшего у него на поясе, — не скажете ли мне, кто тот дерзкий мальчишка? Предупрежденный охотник уже вооружен.

Глаза священника вдруг стали печальными.

— Я не хотел говорить Эрнану, чтобы он не вздумал столкнуться с парнем или с его отцом в недобрый час. — Гус перешел на тихий доверительный шепот: — Вы же знаете, каково быть отцом, пан Петр. Мудрость нередко покидает нас, когда речь заходит о безопасности и чести дочери.

Петр мало знал об отцовстве, у него детей не было, а своего отца он не помнил, но скрытая похвала в словах священника все равно согревала.

— Можете сказать мне имя парня, — ответил он, кивая. — Я буду охранять Анику и ее отца даже ценой своей жизни, если понадобится. Верность, в которой я когда-то клялся пану Гонзе, я теперь вверяю вам. И пусть Господь поразит меня, если я не исполню свой долг перед девочкой или Эрнаном О'Коннором.

Проповедник хлопнул Петра по плечу:

— Вы хороший человек, достопочтенный пан, я знаю, что могу вам довериться. Тот парень, что беспокоит меня, Милослав, сын пана Лако из Лидице.

— Пан Лидице? — Петр задохнулся. Предыдущий пан Лидице был врагом пана Гонзы, поэтому упоминание этого имени заставляло сильнее биться его сердце. Нынешний пан Лидице должен быть потомком старого врага Петра, а Милослав, судя по всему, замешан из того же предательского теста.

— Как я слышал, — продолжил Гус, все больше хмурясь, — Аника нравится тому парню. Ему сообщили, что ее отец небогат, значит, ее можно принудить пойти в услужение горничной. — Он пристально посмотрел в глаза Петру. — Мне

не нужно объяснять вам, какие именно услуги имеет в виду Милослав. К сожалению, знатные господа думают, что у простых людей нет ни ума, ни морали, поэтому не гнушаются брать все, что пожелают.

— Не бойтесь. — Петр широко расставил ноги и стоял теперь перед священником, словно неприступная крепость. — Анику никто не обидит. Я не подпущу того молодого человека к ней ближе, чем на двадцать шагов.

— Но мы должны наблюдать и за Аникой тоже, — предупредил его Гус, поднимая руку. — Она романтическая натура. Девушка жаждет любви, о которой читает в книгах, а Милослав может найти слова, чтобы завоевать ее сердце. Он красивый молодой человек, и если сумеет завоевать ее с помощью лжи и лести, то даже такая добродетельная девушка, как Аника, может не устоять и тем самым разрушить свою жизнь.

— Я скорее умру, чем позволю кому-то ее обидеть, мастер Гус. — Петр прижал одну руку к своей груди, а другую положил на руку священника. — Я знаю девочку с тех пор, когда ей было только шесть или семь лет, и я приношу клятву рыцаря вам и Господу, что буду защищать нашу Анику.

— И не забывайте спанить за своим языком тоже, — предупредил его Гус, кивая. — Не сообщайте Эрнану О'Коннору имена пана Лако или Милослава. Знатные господа нередко появляются в его мастерской, и одним неосторожным словом он может поставить под угрозу собственную жизнь и невинность дочери. А если Эрнан разозлится... — Гус не стал заканчивать предложение.

— Эрнан О'Коннор никогда не узнает имя этого парня, — ответил Петр, а душу его переполняло ощущение, что у него снова есть цель, чего так давно не было. — Как вы доверяетесь Господу, Ян Гус, так же можете довериться и мне.

Глава вторая

Рогда в Прагу въезжал папский легат, по городу, словно злой ветер, носилась тревога. Горожане, которые посещали римские церкви, знали о папской булле и о страшном проклятии папы Иоанна в адрес Владислава. А те, кто посещал Вифлеемскую часовню Яна Гуса, тоже были достаточно наслышаны о булле, чтобы понимать, что папский посланник станет подливать масла в огонь противоречий и недоверия. Слухи о грядущем столкновении между папскими прелатами и богемским проповедником разносились по городу, словно пожар в ветреный день.

Аника уединялась в мастерской, до нее тоже доходили эти разговоры, но она не обращала на них особого внимания. У Яна Гуса уже бывали неприятности с церковными властями и раньше, но благодаря острому уму, он всегда побеждал в дебатах. В первое воскресенье мая Аника поднялась чуть свет, надела свое лучшее платье цвета изумруда с юбкой до пола, завышенной талией и простым белым воротником. Распиряющиеся книзу длинные рукава с бахромой подчеркивали стройность ее фигуры.

Хмуρο глядя на свое отражение в зеркале, Аника расчесывала густую копну рыжих волос, затем отделила упрямую белую прядь и умело заплела ее в тонкую косичку. Она уложила ее

поверх головы и закрепила с противоположной стороны. Эта необычная бесцветная прядь многие годы доставляла ей хлопоты, но в последнее время девушка стала укладывать ее косичкой. Под вуалью криспинета* бесцветная косичка выглядела как искусственная, хитроумно вплетенная в собственные волосы. И когда Аника стала носить такую прическу, все перестали обращать внимание на белую прядку, а работая в мастерской, она закалывала ее под чепец, и снова никто ничего не видел.

Наконец Аника была готова, она отдернула занавеску, отделявшую ее спальное место. Отец уже сидел на стуле перед столом, одетый к выходу в церковь. Однако было заметно, что мысли его заняты не богослужением, потому что он смотрел на листок, который держал в руках, и лицо его было ярко-красным.

Аника подошла к нему и удивленно подняла брови:

— Доброе утро, папа. Хочу надеяться, что ваши сны были приятнее ваших настоящих мыслей.

— Ради всех святых, дочь, кардинал Д'Альби собирается прийти на службу в Вифлеемскую часовню сегодня!

Аника опустила перед очагом, взяла кочергу и подтолкнула не прогоревшие остатки полена на тлеющие угли. Весна уже наступила, но по утрам воздух был холодным.

— Возможно, ничего из этого не выйдет, — возразила отцу Аника. — Наш чудесный мастер Гус не захочет неприятностей. Он жаждет мира со всеми, кто против него.

Отец лишь хмыкнул в ответ.

А позже, уже сидя рядом с отцом в просторном зале, который назывался Вифлеемской часовней, Аника с удивлением увидела, что сведения отца верны. Кардинал в красных одеяниях, один из духовных правителей Римско-католической церкви, сидел в первом ряду слева от кафедры. Рядом с ним находился кто-то из аристократов, возле него ерзал молодой человек почти одного с Аникой возраста, может, года на три-четыре старше.

* Криспинет — головной убор, представляет собой две сеточки (серебряные или золотые), в которые закручивались вокруг ушей волосы, сеточки крепились к металлическому ободку. — *Примеч. пер.*

Ян Гус делал вид, что не замечает присутствия знатных людей. Он поднялся на кафедру и с воодушевлением запел, приглашая паству присоединиться, Аника пела с привычным ликованием. Возвышенная песнь, написанная самим Яном Гусом, воодушевляла девушку на молитву, но ее мысли отвлекались от дел духовных всякий раз, как только взгляд ее падал на молодого человека, сидевшего на передней скамье рядом с кардиналом. Он был привлекательным, на взгляд Аники: ясные синие глаза, классические черты и таинственное выражение лица. Отраженный от окон часовни свет мерцал над его головой холодными лучами. Когда он встретился с ней взглядом, она увидела в его глазах неукротимую гордость.

Некоторое время он смотрел на нее с интересом и даже с удивлением, но вдруг его рот некрасиво изогнулся. Аника застыла от изумления, а он сложил губы в трубочку и — послал ей поцелуй! Сомнений не было, прямо перед ее отцом, перед всей церковью, даже перед самим Господом!

Аника склонила голову и страшно покраснела. Что же он делает? А если кто-нибудь заметит? Что если люди решат, что она сама *напросилась* на такое приветствие? Они станут считать ее падшей женщиной. Ни одна достойная женщина не станет уделять внимание мужчине, когда полагается думать только о Господе!

Все вокруг нее запели, и Аника глубоко вздохнула и заставила себя успокоиться. Ее отец ничего не сказал, возможно, просто не заметил. Семейная пара, сидевшая перед ними, не обернулась с изумлением или отвращением, похоже, они ничего не видели. Кажется, никто не заметил этой выходки. Если Анике удастся не обращать внимания на бессовестного молодого человека, ничего страшного не произойдет.

Она стала смотреть на проповедника, но краем глаза видела, хоть и смутно, того молодого человека. Она ощущала, что лицо у нее горит, и совершенно точно знала, что он продолжает смотреть на нее, возможно даже ухмыляется. Издевается над ней. Но почему? Что такого она могла ему сделать?

Песня смолкла, мастер Гус склонил голову для молитвы. Аника последовала его примеру, но ее макушку обжигал

взгляд мужчины. Аника сильно закусила нижнюю губу. Конечно же, она все это придумала! У совершенно незнакомого человека не может быть повода улыбаться ей; возможно, он улыбается кому-то позади нее. Может быть, прямо за ней сидит его невеста или даже мать, любимая тетя, а она неверно поняла его приветствие.

Девушка облегченно вздохнула. Какая же она глупая и чересчур впечатлительная! Пожалуй, она слишком часто читает «*Искусство утонченной любви*»; весь этот лепет о взглядах украдкой, проявлении чувств на публике сбил ее с толку. Все это она выдумала, включая постоянно прикованный к себе взгляд. Она же больше ни разу не взглянула в его сторону, возможно, и он давно отвернулся. Можно проверить прямо сейчас, просто чтобы убедиться.

Пастор продолжал свою молитву, а девушка все-таки подняла голову и посмотрела. Но молодой человек *продолжал* смотреть на нее, откровенно попирая все святое и пристойное. Его синие глаза озорно сверкнули, он снова улыбнулся и заговорщицки подмигнул.

Нет. Она наверняка ошибается. Она поспешила опустить голову и чуть повернула ее набок, чтобы увидеть, кто сидит за ней. Там должна сидеть другая молодая девушка, предмет неподобающих чувств этого мужчины, — но позади нее оказались мельник и его жена, толстая женщина с многочисленными подбородками и столь же многочисленными детьми.

Аника еще ниже опустила голову, ей стало нехорошо от отращения. Она прижалась к такой надежной руке отца и крепко зажмурила глаза, отгоняя все мысли о том упрямом мужчине, который не должен вести себя так бессовестно в церкви самого Господа.

— Папа, — шепотом спросила она, когда закончилась молитва, — а кто те люди на скамьях возле кафедры?

Лицо отца превратилось в застывшую маску презрения.

— Это, дочка, — ответил отец, даже не стараясь говорить тихо, — кардинал Д'Альи и пан Лако из Лидице. Не знаю, кто тот молодой человек, но догадываюсь, что он сын пана Лако.

Аника снова посмотрела вниз и покраснела еще больше. Сын знатного господина! По крайней мере, все ее тревоги оказались беспочвенны. Как только он узнает, что она дочь ремесленника, он обратит свое внимание в другую сторону. Даже в книге *«Искусство утонченной любви»* говорится, что любовь между людьми высшего и среднего класса — неудачная затея.

* * *

Ян Гус неспешно взошел на кафедру, прекрасно помня о грозной фигуре в первом ряду, справа от него. Кардинал Д'Альи прибыл в Прагу вовсе не случайно, как не случайно оказался и в его церкви. Ян не стал бы кривить душой и утверждать, что Господь привел кардинала в эту церковь ради духовного наставления. Нет, присутствие здесь Д'Альи не имеет ничего общего с путями Господа, скорее с людскими кознями, а что это за козни еще предстоит выяснить.

— Друзья, — начал Гус, раскрывая свою копию Священного Писания на кафедре. — Я хотел бы прочитать вам слова из Евангелия от Матфея.

— Остановитесь.

И словно эхо в пустой гробнице, голос кардинала разнесся по просторному молельному дому.

— Ваше Преосвященство? — Ян послушно повернулся в сторону кардинала и приподнял брови. — Вы желаете обратиться к пастве?

Очень медленно, словно под грузом собственной значительности, кардинал Д'Альи поднялся. Низкорослый и толстый, скорее похожий на обрубок, кардинал бессмысленно улыбался Гусу, глядя пустыми глазами, затем глубоко вздохнул, раздувая грудь, и повернулся к изумленной пастве:

— Папа Иоанн послал своего представителя со священным паллиумом* в знак его полномочий, чтобы по всему царству

* Паллиум — белая шерстяная лента с черными крестами, покрывающая грудь и плечи католического архиепископа, символизирующая овцу на плечах пастыря. — *Примеч. пер.*

Христа была оглашена и вывешена булла. Но, насколько я знаю, в этой церкви булла не оглашалась и не вывешивалась на дверях.

Ян прикусил губу, чтобы сдержаться и не начать протестовать. *Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими...*

Кардинал протянул руку в сторону священника в монашеском одеянии, который сидел с ним в первом ряду:

— Этот человек — легат святого отца.

Прекрасно понимая, что тысяча пар любопытных глаз наблюдает за ним со скамей, Ян уважительно поклонился:

— Благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа.

Глаза эмиссара поблескивали, словно застывшая вулканическая порода, и нельзя было угадать ни его чувств, ни намерений.

— Станете ли вы, Ян Гус, — воззвал священник, и его высокий голос прорезал тишину церкви, — подчиняться апостольским наказам?

Гус без колебаний принял на себя уготованную ему роль в заранее известной драме:

— Да, я всем своим сердцем готов подчиниться апостольским наказам.

От удивления плечи посланника чуть опустились, и он заулыбался.

— Вы слышали? — сказал он, глядя на Д'Альи с нескрываемым облегчением. — Мастер готов подчиниться апостольским наказам.

Ян сдержал желание отрицательно покачать головой, не веря своим ушам. Еще один капкан — причем прямо в его церкви. Что ж, охотник тоже может попасться в капкан, как и дичь, если на то будет Божья воля.

— Ваше Преосвященство, — Ян сделал полшага вперед и повернулся к кардиналу, — поймите меня правильно. Я сказал, что готов всем сердцем подчиниться учению апостолов Христа. И если папский рескрипт соответствует ему, я непременно ему подчинюсь. Но когда я вижу, что какой-то

из папских рескриптов отличается от учения Христа, я не подчинюсь, даже если мне грозит казнь.

В церкви повисла тишина. Папский легат изумленно смотрел на Гуса; недовольство Д'Альи было безгранично. Однако от людей, наполнявших церковь, его, Яна Гуса, людей, исходила молчаливая поддержка.

Ян Гус стоял перед паствой Вифлеемской часовни, и его сердце переполняла святая гордость. Эта церковь была основана двумя мирянами, которые пожелали построить молельный дом, где бы проповедовалось слово Божье на понятном людям языке. Во всех остальных церквях Праги бремя римских ритуалов и церемоний не оставляло места для проповеди Евангелия, зато хартия Вифлеемской часовни требовала от священника, чтобы он проживал в городе и проповедовал на божемском языке дважды в день по воскресеньям и праздникам. Эта работа была долгом и честью, которую Ян Гус с радостью исполнял.

Он посмотрел со своего возвышения на изумленного папского легата и решил говорить открыто:

— Многие из нас — фермеры, мой брат; мы знаем цену зерну. Что есть закон Господа? Доброе зерно. Что есть приказ человека? Пустая мякина.

Наклонившись над кафедрой, Ян смотрел эмиссару папы Иоанна прямо в глаза:

— Запомните это, монах в капюшоне, и передайте другой стороне.

Гус выпрямился и молча стоял за кафедрой. Его слова все еще звенели в воздухе, словно остались висеть над головами собравшихся, наблюдая за происходящим. И в этой тишине Ян вдруг обрел новое ощущение, странное чувство отчужденности, которое пришло с осознанием надвигающейся катастрофы.

На одном дыхании за несколько секунд он подверг сомнению власть папы и поставил под вопрос папское указание. Если бы ему дали возможность, он обвинил бы в коррупции и личных грехах человека, который назвался папой Иоанном. В свое время Ян обращался к папе, оказывая должное уважение его положению, и старался выражать свои мысли почти

тельно. Но он не мог и дальше почитать порочную систему, которую проводил в жизнь и которой управлял самый алчный в мире человек.

Ян Гус ухватился руками за край кафедры и вглядывался в лица своих прихожан. Ради этих людей он вступил в борьбу, ради них продолжает сражаться. Они изголодались по духовной правде, а священников, готовых ее нести, было слишком мало.

Папе Иоанну, который обещал бессмертие на небесах за мзду, нельзя позволить играть с бессмертными душами ради упрочения собственного положения в Италии. Ян Гус не может и не станет отсиживаться, когда тысячи людей расплачиваются своей вечной жизнью за гордыню одного человека.

* * *

В течение многих недель жители Праги обсуждали за столом разные версии стычки мастера Гуса с кардиналом. Аника, ее отец и пан Петр особенно оживленно дискутировали на эту тему; Эрнан заявлял, что растущее движение за национальную независимость в конечном итоге приведет к войне; престарелый рыцарь настаивал, что войны в Богемии не будет.

— Вы действительно не знаете, что война будет? — удивился Эрнан, в его глазах вспыхивали искры. — Патриотизм — это тоже религия, это яйцо, из которого вылупляются войны. Все эти разговоры о том, что Богемия то, Богемия се, рано или поздно приведут к войне. Люди будут носить мечи, пока не научатся носить кресты, а этот день еще не настал.

— Войны не будет, — настаивал Петр и стукнул по столу костяшками пальцев. — Мы нация христиан, а христиане не воюют друг с другом. Разоружив Петра, Христос разоружил всех воинов. Можно только защищать себя от зла, в остальное время мечи должны быть припрятаны.

— Естественно, любить мир — хорошо, — возразил Эрнан, — но приходят времена, когда люди больше не могут нести бремя, которое на них взвалили. А мастер Гус помогает людям увидеть это бремя, другими словами, то, чего они раньше

не замечали. А если сие бремя неправомерно, его не следует терпеть. Разве не это я говорил раньше?

Аника впитывала каждое слово. Даже если война и вспыхнет, она точно знала, что мастер Гус тут ни при чем. Несмотря на свою откровенность за кафедрой, он не был безрассудным. Он говорил правду, когда его к тому вынуждали, защищал Священное Писание и всегда обличал злые деяния папства, когда его к тому подталкивали напрямую, но по всему видно, что он понимает — открытый бунт может разбудить спящего дракона. Его отповедь кардиналу была самой откровенной за долгое время.

— И что теперь будет? — спросила Аника. Она переводила взгляд с отца на пана Петра. — Неужели снова наложат интердикт*?

— Никто пока не может сказать, — признал Петр, — но я слышал, что кое-кто из молодых последователей Гуса задумал предпринять крайние меры. Завтра утром они намерены посетить каждую церковь и публично возражать священникам, если они выступают за индульгенции. Народ, естественно, поддержит их протест.

— Пожалуй, мне следует за них помолиться, — перебил его Эрнан. — За их безопасность и за то, чтобы Господь дал им мудрости. Такое предприятие им даром не пройдет, и я думаю, что этим отважным душам придется заплатить очень высокую цену.

Насколько высокую? Аника хотела задать этот вопрос, но что-то ее удержало.

* * *

Ян Гус вышел из своего небольшого дома, сцепив руки за спиной, и поднял голову к усеянному звездами небу. Прага

* Интердикт — одна из форм церковного воздействия и наказания в католицизме, заключающаяся во временном запрете папой (или архиепископом) совершать богослужения и религиозные обряды (без отлучения от церкви) в пределах той или иной территории; иногда налагался на определенных лиц. — *Примеч. пер.*

спала; почти все свечи и лампы вдоль улицы были погашены. Именно в такие моменты тишины Яну лучше всего думалось... А Господу легче было пробиться сквозь переполнявшее сознание Яна смятение.

— Я пытался, Отец, — прошептал Гус и остановился отдохнуть в тени пышно разросшегося дерева. — Я пытался предупредить Иеремию и остальных не рубить с плеча, а продвигаться осторожно ради тех, кто еще носит Евангелие в сердце. Я знаю, есть священники и кардиналы, которые не вожделеют глазами, не вожделеют телами, не поражены гордыней, но...

Он замолчал, приводя в порядок свои воспоминания. Столько неприятностей произошло за последние месяцы; он не мог винить Иеремию и его друзей за их растущее недовольство кардиналами Рима.

Гус скрестил руки на груди и прислонился спиной к толстому стволу дерева, заново переживая моменты, выхваченные из разных промежутков времени, — память отлично сохранила их. Последнее воспоминание было самым тревожным. Через неделю после проповеди, на которой Ян объявил, что не станет мириться с продажей папой индульгенций, поскольку тогда христиане смогут грешить с чистой совестью, Иеремия организовал открытый протест группы студентов университета против папского воззвания. Они устроили пародийную процессию, один из студентов нарядился шлюхой и разъезжал по мощеным улицам Праги с цепочкой из серебряных колокольчиков на шее. В руке он держал большой лист бумаги, явно изображавший папскую буллу. Огромная толпа студентов и горожан с палками и мечами сопровождала «шлюху» по центральным улочкам Праги. И по пути руководители шествия провозглашали: «Мы несем письмо еретика к столбу». Оказавшись на Карловой площади, под бурные аплодисменты зрителей, мятежники положили фальшивый документ под импровизированной виселицей и сожгли его.

— Мы сделали это, — весело говорил Иеремия на следующий день, — напомнили людям, как архиепископ жег книги.

Ян увидел пламя в глазах ученика и содрогнулся. В прошлом году Ян и еще несколько проповедников Евангелия

одолжили архиепископу собственные ценные копии работ Уиклифа и другие книги по теологии, чтобы донести до архиепископа свою позицию в отношении церковной и библейской правды. Из тщеславного противоречия архиепископ Збинек, предшественник нынешнего архиепископа, воспользовался отсутствием короля Венцеслава и вынес книги во двор дворца. Более двухсот томов, многие из них были богато украшены и замечательно переплетены, сгорело дотла в огне по злой воле, а колокола звонили на городской башне и священники пели при этом «Тебя, Бога, хвалим».

Этим деянием архиепископ желал покончить со всеми неприятностями, однако сжигание книг лишь подлило масла в огонь раздора. Когда король Венцеслав узнал о безрассудном поступке архиепископа, он бушевал и ругался, а королева София плакала. Свободолюбивые граждане Праги пришли в ярость. На церковных погостах происходили бунты. И тогда, много раньше, чем мог ожидать Ян, по городу начали распространяться новые копии работ Уиклифа и его собственные проповеди, их переписывали руки столь же проворные, как у Аники О'Коннор. Копии Священного Писания, на сожжение которых священники решиться не могли, начали появляться в домах простых горожан.

Ян печально улыбнулся, вспоминая, как он начал свою проповедь в прошлое воскресенье: «Огонь не уничтожает правду. И лишь слабые умы срывают злость на неодушевленных и безобидных предметах».

И даже столь безобидное заявление было немедленно передано по церковной иерархии. В отместку за противодействие Гуса папа Иоанн XXIII издал указ, требующий явки Яна в Рим, где он должен был отчитаться за свои действия.

Воспоминание о собственной реакции на вызов к папе отозвалось холодной дрожью, пробежавшей по телу Яна. Услышав известие, он просто отказался ехать. У него не было личного уважения к папе, он считал его мошенником и не хотел бросать свою паству в такие смутные времена. Кроме того, у Яна было мало денег, а он вовсе не хотел одалживать средства у состоятельных друзей на столь неблизкий путь.

Его отказ явиться в Рим положил начало неприятностям для Праги. Когда Ян отказался исполнить приказание, папа Иоанн издал декрет об отлучении Яна от церкви, этот декрет должны были огласить во всех церквях Праги.

Напряженное выражение лица превратилось в улыбку, когда Гус вспомнил, как Прага отреагировала на его отлучение. Суровое наказание, формально обрекающее его душу на ад, мало что значило для Яна лично, а вскоре после отлучения в Вифлеемской часовне стали собираться толпы народа всякий раз, когда он проповедовал. Те люди, кто ни разу не потрудились прийти и послушать Яна ученого, теперь валом валили в церковь, чтобы услышать Яна отлученного еретика. Пан Петр, его преданный привратник и помощник на службах, в одно из воскресений насчитал не менее десяти тысяч человек, пришедших послушать, как «обреченный на адские муки» проповедник провозглашает Иисуса Христа и Великое Спасение, дарованное Господом.

Но как только Ян вспомнил, что произошло потом, улыбка погасла. Когда стало ясно, что отлучение Яна от церкви лишь усилило его влияние, архиепископ Збинек наложил на всю Прагу и близлежащие деревни интердикт. И пока он действовал, никого, кроме священников, нищих или детей до двенадцати лет нельзя было хоронить по христианским обрядам, как нельзя было и перевезти их в другую епархию. Запрещались церковные службы, отменялись свадьбы, не звонили колокола. Мессу можно было проводить только дома за закрытыми дверями, а исповедали только умирающих. И пока действовал интердикт, все население города должно было пребывать в трауре и поститься.

Неважно, насколько Ян Гус втайне радовался, что сумел разозлить сурового и эгоистичного архиепископа, он все-таки сожалел о наложении интердикта. Отлучение от церкви во все его не задело, поскольку было бессмысленным и направленным только против него, а он был полностью уверен в собственном спасении. Но интердикт отразился на всем городе, особенно на тех, кто был накрепко привязан к римской системе и не видел света истинного спасения.

Но Господь не мог допустить, чтобы пражане пострадали сверх меры; и ситуация действительно изменилась, когда в сентябре архиепископ Збинек умер, а новый архиепископ не пожелал жить в проклятом городе, поэтому отменил интердикт. Затем последовали месяцы несколько неловкого и хрупкого мира между папой и богемскими реформаторами, пока папа Иоанн не издал свою буллу, где объявил о продаже индульгенций. И теперь, к ужасу Яна, его позиция привела к открытому мятежу в городе. Если Иеремия и студенты не проявят здравомыслия, архиепископ Албик может принять жесткие меры для поддержания собственной власти.

— Отец Небесный, ты ведь позаботишься о них? — спросил Гус, поднимая глаза к небесам. Небо еще было черным, но звезды уже начинали тускнеть. Скоро займется рассвет, а он еще не ложился спать.

Ничего, у него будет возможность отдохнуть чуть позже. Гус стряхнул с себя воспоминания и энергично потер лицо, напоминая себе о предстоящих трудах. У него в приходе двое больных, затем нужно уладить спор между двумя мирянами и подготовить лекцию для студентов университета.

— Довольно для каждого дня своей заботы, — процитировал он из Евангелия от Матфея, улыбнулся шутке, затем направился к дому.

